

ПОЧЕМУ с таким успехом идет в театре имени Ваг. Вахтангова «Иркутская история»? В чем тут причина? В самой ли пьесе А. Арбузова, или в режиссуре Евг. Симонян, или в актерском исполнении — в спектакле зрители Ю. Борисова, Н. Плотникова, М. Ульянов, Ю. Любимов? Можно подробно ответить на все эти вопросы и все-таки не передать главного — того, что составляет действительную ценность постановки. Не передать потому, что ценность эта особенно отчетливо и полно выражается именно в единстве усилий. Тут театр добивается победы не вопреки драматургу, а драматург торжествует потому, что театру близки его устремления.

Однако это не значит, что постановка вахтанговцев канонична и обязательна для всех, кто собирается ставить «Иркутскую историю». Скорее наоборот — в работе настолько ясно проявились манера и стиль данного коллектива, что всякое подражание заранее обречено на неудачу.

Автор «Иркутской истории» Алексей Арбузов не боится показаться субъективным. В его новой пьесе немало мест и ситуаций, которые вполне открыто расчитаны на чувствительность сердца зрителя. Вот душевным летним вечером тоскует одинокая женщина, с горестным недоумением вопрошая: «Тридцать четыре... Разве это так много? Неужели прошла жизнь, а?..». А другая героиня, прозванная в пьесе «Вальша-девушка», идет после несвоего свидания домой, и автор берedit ее душу рассказом о чужом счастье: «У твоего дома играют дети, стриженные, смуглые. Вот один зановил палец, другой рассматривает жука, а третий дал четвертому подзатыльник. Ты идешь мимо, и ни один не крикнет тебе «мама!».

Когда же и Валентина обретает радость, ей не оставалось эту радость надолго. Муж Вали, Сергей, неожиданно и трагически гибнет. «Если бы я знала, что случится беда, я схватила бы его и не выпустила... Но я не знала — ведь было совсем обыкновенное утро, и только очень жарко было... жарко-жарко». Так вспоминает молодая женщина о странном для нее дне. И мы видим этот день, видим нежное прощание жены и мужа, и нервы наши напряжены, а сердце дрогнуло от жалости, ибо сидевшие в зале знают, что пройдет минута-другая, и Сергей, так полюбивший всем Сергей, утонет в Ангаре, опасая жизнь незнакомым детям. Он утонет, а Вали останется с двумя близнецами и в тихой комнате будет вспоминать недолгое свое счастье.

Автор очень жалует, очень сочувствует, а иногда даже и умиляется происходящим, и эту умиленную нотку театр не только поддерживает, но порой и усиливает. Вспомните только интермедию у родильного дома, когда Сергеем вручают его близнецов. Все здесь как будто предельно естественно — и радость молодого отца, и его смущение, и нежность, и торжественность этого незабываемого момента. Однако все показанное, вплоть до чинного шествия друзей с поздравительными подарками, имеет своей целью не только выразить сущность события, но и предостичи его нам.

Это явное желание театра несколько «поднять» происходящее заставляло его переосмыслить такое действующее лицо пьесы, как Хор строителей. У Арбузова Хор — такие же, как и герои, парни и девушки, и автор как бы подчеркивает этим счастливое, неразрывное единство главных и второстепенных персонажей. У вахтанговцев Хор воспринимается не как необходимая, а скорее как эффектный режиссерский прием. Одними в концертные костюмы, молодые люди никак не вошедши на товарищи Вали, Ларисы, Сергея, они не соединяются в нашем сознании с героями «Иркутской истории». На одной стороне вышаж десяткубового шатающего, на другой, напротив на весь свой шедный пафос, — все-таки разномыслящие актеры.

Можно привести немало и других примеров, более или менее оценок свидетельствующих о желани режиссера рассказать «Иркутскую историю» в тонах, отмеченных не столько бытовой достоверностью, сколько в манере условно-романтической. Для театра это действительно, история — история в прошедшем времени, которую постановщик и герои уже пережили. Это не значит, конечно, что она и теперь не потрясает, не возмущает их, но время смягчило боль, и на первое место выступили не сами события, но нравственный и моральный их смысл.

Однако имеет ли такая трактовка почву в самой пьесе? Да, несомненно. Ведь и для автора главное заключено не столько непосредственно в сюжете произведения, сколько в размышлениях по поводу него. Сам же сюжет даже банален. Девушка с наивной репутацией гуляет с парнем, гуляет просто так — весело проводит время. Потом в эту девушку, кассиршу магазина, влюбляется лучший друг ее возлюбленного — смелый мастер шатающего аскаватора Сергей. Она выходит замуж за Сергея, и только тогда ее бывший дружок начинает понимать, что упустил свое счастье. Он мучается и страдает, однако вернуть прежнее уже нельзя — Вали любит Сергея и верна памяти мужа даже после его смерти.

Так что же, могут спросить нас, «Иркутская история» — пьеса о любви? Да, о любви. Но не о той «любви», весь смысл которой, как это нередко случается в так называемых «бытовых» пьесах, исчерпывается тем, что вот она его любит, а он ее нет и что из этого получается. Любви в арбузовской пьесе — то большое, сложное и высокое чувство, которое всегда заключает в себе и определенный гражданский смысл, и аспект этический урок. Как ни парадоксально это звучит на первый взгляд, но интимнейшие переживания Сергея важны не только ему самому и его возлюбленной. Для всех окружающих они пример и образец такого прекрасного, уважительного и бескорыстного отношения к человеку, что оно не может не найти отзвука в сердцах.

Именно такие «масштабы переживаний» и позволили драматургу органически включить в свое повествование множество других мотивов. Впрочем, «включить» — не совсем верное слово. Всевозможные мотивы и темы сами возникают в «Иркутской истории», как только герои ее начинают жить, действовать, мечтать, думать.

Последнее особенно важно и существенно, прежде всего для зрителя. Им неинтересен театр, в котором мало эмоций, в котором упрощены размышлений людей XX века не выходит за пределы самоуверенного посредственности. В «Иркутской истории» мы тоже не встречаемся с людьми особенными в смысле их профессии или занимаемого положения; однако ощущение значительности персонажей не покидает нас на протяжении всего спектакля.

Пожалуй, именно это свойство и является тем главным, что определяет работу и режиссера, и исполнителей. Они все очень точно сознают важность и интерес того, что происходит на сцене, и эта их увлеченность с лихвой покрывает и некоторую субъективность, и некоторую парадоксальность происходящего. Не то, чтобы их не виднись или что-то высокомерно прощаешь театру, но просто это действительно на глазное, а главное несут в себе Борисова и Ульянов, Плотникова и Королькова, режиссер спектакля Евг. Симонян и художник И. Сумбатшвили.

Это он поместил героев «Иркутской истории» в предельно конкретную и то же время обобщенно-романтическую обстановку. Конкретно добротный деревянный барак, где живет экипаж «шатающего», конкретны железные, по-солдатски скромно и аккуратно заправленные койки ребят, конкретна немудреная обстановка комнаты Сергея и Вали. Но зато открыто условен и театрален огромный, проткнувшийся из глубины сцены прямо на публику стол, за которым не просто справляют свадьбу, но празднуют нравственное возрождение человека. И удивительно чувствуется Ангара, и сам «шатающий», право же, как живой, присутствует на сцене. Присутствует не как деталь, позволяющая определить время действия, но как нечто очень важное и существенное для всех героев «Иркутской истории».

И тут мы подошли к одному из тех «мотивов», которые включает в себя любовная коллизия пьесы. Мотив этот — труд, трудовая принадлежность людей. Она не имеет ничего общего с так называемой «производительной темой», о которой весьма любят рассуждать не только критики, но и писатели. Производительная тема, как правило, присутствует в произведении сама по себе, никак не влияя ни на характеры людей, ни тем более, на их личную судьбу. В «Иркутской истории» никак из действующих лиц не стал бы тем, что она есть, исключи из его жизни его работу. Ведь недаром именно Сергею, настоящему, а не номинальному положительному герою, приходится к толку удивительные слова: «Что человеку для счастья нужно? Чтобы дело его было хоть чуточку лучше, чем он сам... Если человек настоящее дело выполняет, нужное дело, — он и сам от него становится лучше, чем был».

Любовь Сергея к Валентине никогда не превратилась бы в центральную балласт для этой женщины, не соединившись в ней с любовным мечтом о лучшей, более честной и чистой жизни, мечте, которую заронил Сергей. Тут дело, конечно, не в том, что она стала «честной», «замужней», а в перемене мироощущения. Именно поэтому «Иркутская история» не кончается со смертью Сергея. И автор, и мы вместе с ним обязательно должны знать — что же случится с Валентиной? Заполнится ли ее жизнь тем делом, которое чуточку лучше ее самой, и придет ли это дело подлинный смысл ее существованию? Ведь именно к такому «переемственности ценности» и вела любовь Сергея...

Режиссеру и актерам вахтанговского спектакля принадлежит большая честь создания образов наших современников — образов, сильных не только своей реальностью, но и романтической приподнятостью. Именно поэтому так органичны в устах героев слова о коммунизме, о коммунистическом будущем. Они, эти слова, стали для них «своими», особенно для Н. Плотникова — Сергея и М. Ульянова — Сергея.

Сцена наша ждала таких героев, такого рассказа об их жизни. Без предвзятости и заранее выработанных представлений, но со вниманием и заинтересованностью всматривается автор в окружающий мир, и это позволяет ему увидеть закономерности его развития и движения. Арбузову удалось то, к чему стремятся многие наши драматурги, пишущие о современности. Он показал, что в наше время коммунизм строится не только в котлованах гидростанций, но и в сердцах людей. Именно об этом и рассказывает «Иркутская история».

Н. ЛОДКИПАНИДЗЕ.